

[Рец. на: / Review of:] **A. De Wit. The present perfective paradox across languages.** Oxford: Oxford University Press, 2017. xiv, 221 p. ISBN 978-0-19-875953-9.

Владимир Александрович Плунгян

Vladimir A. Plungian

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
plungian@iling-ran.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; plungian@iling-ran.ru

Монография бельгийской исследовательницы Астрид Де Вит (работающей в настоящее время в Брюссельском свободном университете и Антверпенском университете) опубликована в недавно начатой издательством Оксфордского университета серии «Oxford Studies of Time in Language and Thought» и, на мой взгляд, является наиболее яркой и оригинальной публикацией из всех вышедших до сих пор в этой серии книг.

В центре внимания автора — так называемый «парадокс перфективного презенса»¹, который связан с существованием в языках мира глагольной формы презенса перфектива, вообще говоря, семантически противоречивой. Несколько упрощая и отвлекаясь от деталей, можно сказать, что основное значение граммемы перфективного аспекта — завершенность или ограниченность действия во времени, а основное значение граммемы настоящего времени — длительность действия. Эти два значения семантически несовместимы, так как формы настоящего времени по умолчанию являются имперфективными, а не перфективными. Между тем в языках мира формы перфективного презенса существуют (и даже не являются таким уж типологическим раритетом, обнаруживаясь во многих языковых ареалах, в том числе слабо или никак не связанных между собой). Очевидным образом, их существование возможно в тех случаях, когда при сочетании грамем перфектива и презенса в одной глагольной словоформе происходят какие-либо изменения грамматической интерпретации — в первом приближении, меняется или аспектуальная, или темпоральная характеристика соответствующей глагольной формы.

Механизмы и типология таких изменений и прослеживаются в книге Де Вит. Наиболее подробно автор рассматривает четыре случая конкретно-языковых проявлений «парадокса перфективного презенса»: английский Present Simple, французский синтетический презенс индикатива, «немаркированную» глагольную форму в суринамском англокреольском языке сранан-тонго и формы презенса СВ славянских языков (рассматриваются русский, польский, чешский и сербохорватский). Первые три случая автору, безусловно, знакомы лучше всего: целый ряд предшествующих публикаций Де Вит посвящен как раз грамматической семантике глагольных форм в английском и французском языках; исследованием сранан-тонго в этом аспекте она также углубленно занималась, в том числе с использованием текстовых корпусов и специальных анкет для опросов носителей языка. Славянский же материал (который занимал важное место уже в аргументации Мальчукова и присутствие которого в работе с такой тематикой, несомненно, необходимо) почерпнут автором в основном из вторичных источников (более всего Де Вит — обоснованно — опирается на исследование

¹ Приоритет в использовании данного термина принадлежит, по-видимому, А. Л. Мальчукову, который одним из первых предложил и подробный типологический анализ этого явления (опирающийся, правда, в основном на формальный метаязык теории оптимальности, см. [Malchukov 2009]). Впрочем, в исследовании этого явления Мальчуков, безусловно, не был первым: в том или ином виде проблема совместимости грамем перфектива и презенса затрагивалась во многих аспектологических работах, в том числе у Б. Комри, Э. Даля, Дж. Байби, К. Смит и др. авторов. Существует и ряд других специальных исследований этой темы, как более ранних, так и более поздних (подробнее см. ниже).

[Dickey 2000]); вместе с тем представленный в книге анализ славянских данных в целом аккуратен и не содержит серьезных неточностей, что встречается среди типологических работ достаточно редко.

Монография сравнительно невелика по объему и состоит из восьми глав. Краткое введение, изложение общих теоретических принципов работы и обзор состояния вопроса занимают первые три главы, в главах с 4 по 7 рассматривается материал конкретных языков (соответственно, английского, французского, сранан-тонго и славянских); наконец, последняя глава 8 содержит выводы и намечает перспективы дальнейших исследований. Как можно видеть, структура работы четкая и прозрачная, и это ощущение подкрепляется стилем изложения: он предельно ясный и образцовый в отношении того, что можно назвать культурой заботы о читателе, не являющемся непосредственным специалистом по всем обсуждаемым в книге проблемам и привлекаемым для исследования языковым группам.

Остановимся теперь подробнее на исходных предпосылках и основных положениях исследования Де Вит.

Де Вит исходит из того, что объяснение интерпретации форм перфективного презенса должно иметь «когнитивную» природу, но практически это для нее означает скорее апелляцию к функционально-семантическим категориям и попытку разграничить возможные и невозможные сочетания смыслов. На теоретическую концепцию автора в наибольшей степени повлияла «когнитивная грамматика» Р. Лангакера: ссылки на работы Лангакера сопровождают рассуждения и в теоретических, и в описательных главах, при этом, как принято у сторонников данного подхода, словесные формулировки обязательно соседствуют с графическими схемами — знаменитые «коробки» (boxes) с линиями, точками и стрелочками внутри исправно появляются на многих страницах книги. Теми читателями, которые ценят «теоретически нейтральные» подходы, эта авторская позиция, скорее всего, будет воспринята как недостаток изложения (в лучшем случае — как относительно безобидное, но в целом бесполезное дополнение к основной канве); более привычные к стилистике Лангакера эксперты, скорее всего, найдут здесь пищу для размышлений об объяснительных возможностях его теории. В защиту автора можно сказать, что «когнитивную надстройку» книги она практически во всех случаях стремится представить как отдельный модуль: нейтральное описание фактов в книге Де Вит не просто присутствует наряду с теоретической интерпретацией — ему уделяется очень много внимания, и оно выстроено в значительной степени независимо от теории. Едва ли от современной лингвистической работы разумно требовать большего: теория по крайней мере не должна быть препятствием для описания и понимания фактической стороны дела, а это требование в книге, безусловно, выполняется (что выгодно отличает ее от многих других). Для современной типологической работы в книге, может быть, не слишком много попыток диахронических объяснений: духу канонической «когнитивной грамматики» они скорее чужды (это отличает Лангакера от близких ему в некоторых других отношениях Гивона или Байби), однако и здесь автор проявляет разумную объективность и здравый смысл: диахронические экскурсы в книге представлены (в особенности в разделах, касающихся английского и французского языков). На чей-то вкус их могло бы быть больше (в качестве более привлекательной альтернативы когнитивным схемам), но если это и считать недостатком, то не очень существенным. Зато, как часто бывает в таких случаях, автор вполне убедителен в критике предшественников и точно указывает на слабые места «формальных» трактовок парадокса перфективного презенса, будь то теория оптимальности, избранная Мальчуковым, или аппарат генеративного синтаксиса, используемый, например, в монографии [Giorgi, Pianesi 1997] (вообще говоря, содержащей немало ценных и проницательных наблюдений над семантикой глагольных категорий в романских и германских языках, в том числе и в отношении парадокса перфективного презенса). Наибольшая проблема формальных описаний заключается, по справедливому замечанию автора, в том, что они, как правило, подменяют объяснение простой констатацией фактов, но изложенной на специфическом метаязыке данной теории; вопрос же «почему

наблюдаемые закономерности именно таковы» при этом не только остается без ответа, но зачастую даже и не ставится.

Применительно к перфективному презенсу главная проблема состоит в том, что соответствующие глагольные формы получают в разных языках разную интерпретацию, то есть стратегий преодоления «парадокса» существует несколько. Де Вит выделяет как минимум три таких стратегии и называет их «структурной», «ретроспективной» и «перспективной» соответственно.

Под структурной — даже, может быть, точнее «структурирующей» — стратегией (с мнемонической точки зрения это название кажется не вполне удачным) понимается расщепление форм презенса на два класса. При таком расщеплении актуальная презентная интерпретация сохраняется только у стативных глаголов (по умолчанию имперфективных в силу своей акциональной природы), а перфективные формы презенса динамических глаголов получают хабитуальную (и/или генерическую) интерпретацию, которая совместима как с перфективностью каждой отдельной ситуации, так и с презенсом, описывающим хабитуальную совокупность действий или генерическое проявление свойства. С другой стороны, актуальный презенс динамических глаголов выражается особой имперфективной формой, отличной от формы перфективного презенса. Как нетрудно видеть, перед нами описание глагольной стратегии, наиболее отчетливо представленной в английском языке, где на роль перфективного презенса претендует синтетическая форма Present Simple от динамических глаголов (в случае стативных глаголов перфективность по понятным причинам отсутствует). В современном английском собственно перфективность и актуальный презенс оказываются в точном смысле совместимы лишь в ограниченном числе контекстов употребления этой формы: это перформативы, репортажи (и другие описания визуально наблюдаемой последовательности действий) и примыкающие к ним конструкции с «инверсией» (элемент *here / there* + сказуемое + подлежащее); только в этих случаях говорящий, по формулировке Де Вит, “can fully align a situation with the time of speaking” (с. 87). Другие известные употребления Present Simple не выражают актуального настоящего (в соответствии со «структурирующей» стратегией): это нарративный *praesens historicum*, сценические ремарки, реальное или гипотетическое (но не контрафактическое) условие, запланированное будущее и, наконец, хабитуальные контексты, по-видимому, в современном английском наиболее частотные. Комбинация же актуального и презентного значения вне перечисленных выше ограниченных контекстов выражается либо (в основном) аналитическими формами прогрессива, либо (в некоторых случаях) формами перфекта, то есть с эксплицитной сменой аспектуальной характеристики глагольной формы (Де Вит характеризует такие контексты как «type-shifting constructions»). Здесь интересны наблюдения автора над неактуальными употреблениями прогрессива, также возможными в современном английском — например, для выражения различных модальных значений типа неожиданности или непредсказуемости (*contingency*) описываемой ситуации.

Таким образом, Де Вит пытается найти семантическое («когнитивное») разграничение между контекстами, где перфективный презенс все-таки обозначает актуальные презентные ситуации, и всеми остальными. Как кажется, именно здесь стоило бы усилить диахроническую составляющую анализа: актуальные (равно как и неактуальные) употребления перфективного презенса с исторической точки зрения представляют собой реликты, то есть грамматические архаизмы (на что, например, из современных авторов последовательно указывает Дж. Байби, см. уже [Bybee et al. 1994]). Де Вит не игнорирует этот факт, но, как кажется, стремится представить реликтовую группу контекстов семантически более гомогенной и внутренне единой, чем она, может быть, является.

Данные французского языка, на первый взгляд, вообще не должны были бы представлять интерес для такого исследования, которое предпринято в монографии: очевидным образом, французский (наряду, например, с немецким) принадлежит к таким языкам, где формы актуального презенса свободно образуются от любых глаголов, в том числе и динамических предельных лексем. Казалось бы, это должно означать, что в таких языках парадокса

нет: с аспектуальной точки зрения формы презенса имперфективны или, по крайней мере, аспектуально нейтральны (последняя трактовка кажется Де Вит предпочтительнее, чему она посвящает специальную аргументацию). Тем самым парадокс перфективного презенса во французском, по выражению Де Вит, «избегается», а «type-shifting» не происходит (и это можно в каком-то смысле считать еще одной, особой стратегией). Объект, представляющий в этом плане дополнительный интерес для исследования, — это специализированная аналитическая имперфективная (точнее, прогрессивная) конструкция *être en train de* + INF (букв. ‘быть в ходе чего-л.’), которая существует во французском языке наряду с аспектуально нейтральным (*admettons-le*) презенсом. Если в английском языке отмечена ранняя и интенсивная грамматикализация прогрессивной конструкции с почти полным вытеснением актуальных контекстов у синтетического презенса динамических глаголов, то во французском эта грамматикализация слабая и поздняя: прогрессивные употребления более или менее широко распространяются только с XIX в., до этого они были представлены очень ограниченно и к тому же имели скорее модальное значение (соответствия или способности, ср. сходную полисемию у русской конструкции *быть в состоянии*, которая также может иметь и модальную, и аспектуальную интерпретацию); помимо всего прочего, употребление аналитической конструкции не поощрялось пуристами. В современном французском аналитический прогрессив так и не вытеснил синтетический презенс, но нередко отличается от него дополнительным модальным значением эпистемической оценки (неожиданность или неуместность действия, не вытекающего из предшествующего хода событий) — значение, отмеченное в какой-то степени и у английского прогрессива. Таким образом, основное отличие французской системы от английской состоит в том, что во французском аналитический прогрессив является дополнительным средством выражения имперфективности, но синтетический презенс тоже может использоваться практически в любых имперфективных контекстах; в английском же синтетический презенс уже в значительной степени вытеснен из сферы актуальной имперфективности.

Стратегия, представленная в сранан-тонго, может быть названа «ретроспективной». Немаркированная глагольная форма в этом языке имеет имперфективную (и по умолчанию презентную) интерпретацию у стативных предикатов и перфективную (и по умолчанию претеритальную²) интерпретацию — у динамических предикатов. Таким образом, здесь парадокс преодолевается при помощи изменения темпоральной интерпретации путем ее сдвига по оси времени назад: перфективные (т. е. законченные) ситуации естественнее представлять как относящиеся к прошлому. Вообще говоря, грамматическая полисемия подобного типа (т. е. стативный имперфектив / презенс vs. динамический перфектив / претерит у одного и того же грамматического показателя) известна достаточно давно и наиболее подробно описана на материале западноафриканских языков Гвинейского побережья (западноафриканский субстрат большинства креольских языков, в том числе и суринамского, доказан вполне надежно). Типологи обычно пользуются для описания граммы с таким набором значений термином «фактатив», предложенным в 1970-е гг. африканистом Уильямом Уэлмерзом (подробнее об этом типе полисемии и о связи его с другими явлениями, близкими к рассматриваемым в книге Де Вит, см. специальную статью [Шлуинский 2012]).

Как представляется, Де Вит совершенно права, считая суринамский фактатив (и повлиявший на его возникновение фактатив языков Гвинейского побережья) одним из проявлений ретроспективной стратегии разрешения парадокса перфективного презенса. Стоит,

² Де Вит отмечает, что частым семантическим эффектом в перфективных контекстах оказывается «текущая релевантность» события, что, по ее мнению, свидетельствует о некоторой остаточной связи этих форм с презенсом. Действительно, при «ретроспективной» стратегии часто речь идет о противопоставлении форм презенса и перфекта (а не просто прошедшего времени), однако перфект, как известно, является диахронически нестабильной категорией [Плунгян 2016], и часто перфектная семантика оказывается со временем вытеснена на периферию употреблений соответствующей формы. В сранан-тонго, по-видимому, имеет место именно такая ситуация.

однако, отметить, что подобная «ретроспективная стратегия» вовсе не является исключительно афро-креольским феноменом — она распространена и в других языковых ареалах. В частности (как указывалось, например, в работах [Урманчиева 2006; Гусев 2012; Шлуинский 2012] и др.), это явление весьма характерно для самодийских и тунгусо-манчжурских языков, которые в исследовании Де Вит не упоминаются.

Наконец, славянские языки рассматриваются как наиболее яркий пример использования «проспективной стратегии»: как хорошо известно, формы презенса СВ в славянских языках тяготеют к футуральной интерпретации. Однако это свойственно не всем славянским языкам, а лишь восточным и западным (вслед за Ст. Дикки, Де Вит объединяет их под названием «северные»), тогда как для южнославянских языков подобная стратегия не характерна. Южнославянские языки прибегают к уже рассмотренной ранее на материале английского языка «структурирующей» стратегии, при которой формы презенса СВ имеют предпочтительно хабитуальную интерпретацию (впрочем, такая стратегия встречается и в других славянских языках, хотя и несколько реже). Отмечается, что «структурирующая» стратегия реализуется в южнославянских языках более последовательно, чем в английском, где, напомним, сохраняются реликтовые контексты (типа перформативных или репортажных), допускающие употребление перфективного презенса в актуальном значении. В славянских языках такие реликтовые контексты менее разнообразны и употребляются реже, но все же имеются, ср. русск. перформативные употребления типа *попрошу* [= 'прошу'] *вас к вечеру убрать вещи* (В. Гроссман) или нарративные конструкции типа ... *а он как вскочит, как кулачищем грохнет!* (Ю. Домбровский). Как уже было сказано, анализ славянских данных опирается в основном на существующие описания и, будучи корректным в части тех фактов, которые рассматриваются в монографии, не является все же ни оригинальным, ни полным: многие важные контексты и типы употреблений остаются вне рассмотрения. По крайней мере в отношении русского презенса СВ можно отметить, в частности, пропуск известных контекстов «презенса напрасного ожидания» (термин введен в [Зализняк 1990], см. также [Анна Зализняк 2015]), которые можно считать разновидностью хабитуального употребления, хотя и достаточно своеобразной. Но, в принципе, задача подробного описания славянского материала автором и не ставится.

Славянские данные хорошо иллюстрируют одну из главных методологических проблем рецензируемого исследования — место диахронических объяснений (и вообще диахронических данных) в общей картине. С диахронической точки зрения славянские языки (даже в большей степени, чем английский) демонстрируют не столько сценарии «преодоления» парадокса перфективного презенса, сколько сценарии постепенной и неравномерной грамматикализации перфектива, происходившей в разных контекстах с разной скоростью. То, что Де Вит называет результатом действия «структурирующей стратегии», по существу оказывается реликтовыми контекстами, отражающими начальный этап данного процесса, когда семантический эффект перфективности не то чтобы был «преодолен», а еще не успел возникнуть. С некоторыми поправками это утверждение, как мы видели, может быть сделано и в отношении английского языка, а современный французский презенс практически целиком находится на этой предварительной стадии. Несколько больший акцент на диахронических объяснениях, таким образом, ослабил бы значимость ряда «метатеоретических» положений книги, в особенности тех, которые делаются в рамках специфического метаязыка когнитивной грамматики. Однако, как уже было сказано, описание фактов выполнено в исследовании Де Вит максимально независимо от теоретических интерпретаций.

Оценивая книгу в целом, можно констатировать, что это исследование принадлежит к редкому типу работ, в которых удачная постановка задачи (выбор компактной и сравнительно мало изученной области) сочетается с удачным подбором типологического материала — далеко не исчерпывающего, но достаточно представительного. При всей ограниченности рамок исследования оно написано изящно и убедительно, и специалистами по типологии грамматических категорий будет прочитано с большим интересом и пользой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гусев 2012 — Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке // Головкин Е. В., Даниэль М. А., Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta Linguistica Petropolitana: Труды ИЛИ РАН. Т. VIII. Ч. 2.) СПб.: Наука, 2012. С. 311–360. [Gusev V. Yu. Aspect in Nganasan. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 6: *Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii*. (Acta Linguistica Petropolitana: Trudy ILI RAN. Vol. 8. Part 2.) Golovko E. V., Daniel M. A., Plungian V. A., Semenova Ks. P. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2012. Pp. 311–360.]
- Зализняк 1990 — Зализняк А. А. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // Saloni Z. (red.). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok: W-wo Univ. Warszawskiego, 1990. С. 109–114. [Zaliznyak A. A. On a certain use of praesens of the perfective verb («praesens of vain expectations»). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Saloni Z. (ed.). Białystok: W-wo Univ. Warszawskiego, 1990. Pp. 109–114.]
- Анна Зализняк 2015 — Зализняк Анна А. Презенс совершенного вида в значении настоящего времени // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелёв. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 314–329. [Zaliznyak Anna A. Praesens of perfective verbs in the meaning of the present tense. Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoi pary*. Moscow: Yazyki Slavyanskoï Kul'tury, 2015. Pp. 314–329.]
- Плунгян 2016 — Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира // Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Перфект и смежные категории. (Acta Linguistica Petropolitana: Труды ИЛИ РАН. Т. XII. Ч. 2.) СПб.: Наука, 2016. С. 7–36. [Plungian V. A. Towards a typology of the perfect in the world's languages. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 7: *Perfekt i smezhnye kategorii*. (Acta Linguistica Petropolitana: Trudy ILI RAN. Vol. 12. Part 2.) Maisak T. A., Plungian V. A., Semenova Ks. P. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2016. Pp. 7–36.]
- Урманчиева 2006 — Урманчиева А. Ю. Время, вид или модальность? Глагольная система энецкого языка // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 84–100. [Urmančieva A. Yu. Tense, aspect or modality? Verbal system of the Enets language. *Voprosy Jazykoznanija*. 2006. No. 4. Pp. 84–100.]
- Шлуинский 2012 — Шлуинский А. Б. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Головкин Е. В., Даниэль М. А., Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta Linguistica Petropolitana: Труды ИЛИ РАН. Т. VIII. Ч. 2.) СПб.: Наука, 2012. С. 950–996. [Shluinskii A. B. Factative and related categories: An attempt of typology. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 6: *Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii*. (Acta Linguistica Petropolitana: Trudy ILI RAN. Vol. 8. Part 2.) Golovko E. V., Daniel' M. A., Plungian V. A., Semenova Ks. P. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2012. Pp. 950–996.]
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Dickey 2000 — Dickey S. M. *Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach*. Stanford (CA): CSLI, 2000.
- Giorgi, Pianesi 1997 — Giorgi A., Pianesi F. *Tense and aspect: From semantics to morphosyntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.
- Malchukov 2009 — Malchukov A. Incompatible categories: Resolving the “present perfective paradox”. *Cross-linguistic semantics of tense, aspect, and modality*. Hogueweg L., de Hoop H., Malchukov A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 13–32.

Получено / received 30.01.2018

Принято / accepted 17.04.2018